

ЧУДЕСНАЯ ПАРА ИЗ КАФЕ

«ЛЕ ПТИ СЕН-БЕНУА»

Год тому назад мне довелось беседовать с парижским журналистом Фредериком Поттешером (одна из его книг недавно вышла в Москве). Разговор зашел о том, как в нем проснулся интерес к России, и оказалось, что это очень давняя история.

— Первые русские, с которыми я был знаком, — Василий Сухомлин, Кандинский, Лебедев и эта чудесная пара из кафе «Лё пти Сен-Бенуа», да вы их знаете — Гончарова и Ларионов, оба художники, — они для меня были воплощением русской души, все-го, что я навображал о России. А до этого я ведь страну знал только по великим романам Толстого, Горького, Тургенева, Гоголя, Достоевского, по их символам веры... Эта Гончарова — трогательное, поэтическое существо. А Ларионов! Этот полярный медведь, такой проказливый и такой нежный — как... как незабудка... Да, да, именно так. Если вы не верите, спросите у Татьяны Логин, она была ученицей Гончаровой.

Татьяна Логин, кто ж это? И тут я понял, что речь идет о художнице Татьяне Муравьевой-Логиновой, моей соседке по XIII округу Парижа: она живет как раз на краю «чай-натауна». Когда-то, еще до войны, она познакомилась с Иваном Алексеевичем Буниним и Верой Николаевной, жила у них в Грасе, однажды на новогоднюю вечеринку переоделась корсиканцем и получила у Буниных домашнюю кличку Корси... Я позвонил ей в тот же самый вечер. Выяснилось, что она, как и Поттешер, познакомилась с этой легендарной парой в маленьком ресторане «Лё пти Сен-Бенуа», что на углу улицы Сен-Бенуа, близ рю де Сен и неподалеку от рю Жак-Калло, где они жили. Они первыми, еще в 1922 году, «угнездились» в этом ресторанчике, пришли туда вслед за новыми его хозяевами, супругами Варе, испытывавшими к этим русским особую симпатию. За столиком у них происходили все встречи — с близкими друзьями, с новыми знакомыми и с импресарио. Там бывали Аполлинер и Кандинский, Шагал, Дягилев, Пикассо, Леон Блум, Сартр, Ле Корбюзье, Бретон, Андре Жид...

Татьяна Дмитриевна Логинова вспоминает, что эти двое супругов — завсегда в кафе — являли между собой разительный контраст: «Михаил Федорович громко смеялся, шутил,

не переставая, заказывал какие-то необыкновенные блюда — его меню было, как он сам, необычным. А Наталья Сергеевна была приветлива, но сдержанна... Она время от времени останавливала мужа: «Миша, чуть тише». Она была статная, моложавая. «Без сносу девушка», — говорила она и заразительно смеялась. Одевалась просто, предпочитая темные тона, которые оттеняли цветной воротничок, шарф или брошка. Волосы гладко зачесаны, часто с платочком-повязкой... Держалась она с большим достоинством, и мадам Варе, хозяйка ресторана, с восхищением говорила: «Как хороша мадам Гончарова, сразу видно — гранд-дама и гранд-артист».

Мудрая парижская кабатчица не ошибалась. Наталья Сергеевна была из рода той самой Натальи Гончаровой, жены Пушкина, судьба которой до сих пор не оставляет спокойным ни одного русского. Эта Гончарова была великая художница. Как и ее муж, который зачастую скромно отступал в сторону, предпочитая, чтобы хвалили жену. Оба они были предтечами абстрактной живописи, «пионерами беспредметности», если, конечно, не брать в расчет народную живопись, картины литовца Чюрлениса. Кандинский, Дэлонэ и прочие — это все было уже после них или одновременно с ними.

Татьяна Логин вспоминает, что Наталья Сергеевна была «затворница», у нее была железная воля, она работала иногда сутками, не разгибая спины. А Ларионов покидал четыре стены, иногда искал

для жены театральную работу, хотя и он тоже редко расставался с карандашом, без конца рисовал в ресторане на меню, на бумажной скатерти, на салфетках — тут же щедро раздавал рисунки, среди которых подчас были шедевры.

Несмотря на эту несхожесть, эти два художника никогда не расставались, с самого 1901 года, когда они встретились юными, двадцатилетними в училище Живописи, Ваяния и Зодчества. После этой встречи она сразу оставила скульптуру и занялась живописью — но и в живописи ее оставалась, по мнению знатоков, скульптурность и даже отчасти монументальность, что могло идти и от отца — архитектора.

Они прожили вместе больше шестидесяти лет, создав множество полотен, эскизов, рисунков, книжных иллюстраций, театральных костюмов, театральных декораций для Дягилева, для Бэлы Рейн, для многих других. Но они не приобрели на свои заработки даже собственной квартиры в Париже — вообще никакой собственности, кроме скромного серого камня и места на кладбище «Иври паризьен», на котором упокоились они один за другим в начале шестидесятих годов: ведь оба они были щедры, оба были бесребреники, оба считали, что ничто, кроме искусства, не имеет значения.

Б. НОСИК.

ПАРИЖ.

● С. П. Дягилев, И. Ф. Стравинский, Н. С. Гончарова и С. С. Прокофьев. Рисунок М. Ф. Ларионова. 1929 г.

